

О. Б. ТКАЧЕНКО (Киев)

ОДНА ОБЩАЯ СЕМАНТИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЗОГЛОССА ФИННО-УГОРСКИХ И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

(к вопросу финно-угорского субстрата в русском языке)

На вопрос о происхождении русского сказочного зачина *жил(и)-был(и)* ... существует два взгляда. По мнению Ф. И. Буслаева и его сторонников, он связан с древнерусской формой плюсквамперфекта глагола *жить* — *жилъ былъ (есмь, еси ...)*, затем утратившей вспомогательный глагол *есмь*.¹ По мнению А. П. Евгеньевой, «сочетание «жили-были» в сказочном зачине к plusquamperfect'у никакого отношения не имеет ... и не может быть выведено из окаменевшей формы сложного прошедшего времени ... сочетание «жили-были» ничем не отличается от других синонимических сочетаний, которые часто встречаются в фольклоре («глядели-смотрели», «выходила-выбегала» ... и т. п.).»² Оба взгляда основаны только на данных русского языка, что делает их недостаточно убедительными.

Привлечение фактов других славянских языков говорит скорее в пользу второго мнения. В самом деле, зачины сказок относятся к т. н. общим местам, имеющим большую стойкость. Плюсквамперфект предполагаемого типа свойствен почти всем славянским языкам, ср.: др. *ИШЬЛО БЫЛО* (букв. 'изошло было'; 1284 г.)³; рус. *отняли были* (1611 г.)⁴, диал. *был лежал*⁵; укр. *ходив був* 'ходил был'; бр. *сустрэўся быў* 'встретился был', п. *styszał był* 'слышал был', ч. *byl psal* 'был писал', слц. *bol stratil* 'был потерял', в.-л. диал. *sym była widźila* 'есмь была видела'; н.-л. (в части памятников) *jo but gronit* 'есть был сказал', слн. *rekel sem bil* 'сказал есмь был', схв. *bio je pitao* 'был есть спрашивал'; болг. *бил чел* 'был читал' (форма пересказывательного II прошедшего времени, имеющего и функцию плюсквамперфекта). Следовательно, в случае плюсквамперфекта происхождения *жил-был* оно должно было бы иметь параллели в сказках других славянских народов. Однако всем

¹ Ф. И. Буслаев, Опыт исторической грамматики русского языка II, Москва 1858, стр. 148—149; его же, Историческая грамматика русского языка, Москва 1959, стр. 363; ср. также: А. А. Потебня, Из записок по русской грамматике II, Харьков 1888, стр. 267; В. И. Борковский, П. С. Кузнецов, Историческая грамматика русского языка, Москва 1963, стр. 297.

² А. П. Евгеньева, Сочетание «жили-были» в сказочном зачине. — Памяти акад. Л. В. Щербы (1880—1944), Ленинград 1951, стр. 174.

³ Ф. И. Буслаев, Историческая грамматика русского языка, стр. 363. (Для точности в переводы вводятся устаревшие формы настоящего времени глагола *быть*).

⁴ Там же.

⁵ Русская диалектология, Москва 1964, стр. 189.

славянским сказкам, за исключением русских⁶, не свойственно ничего подобного. Здесь выступает «был» или «жил» в прошедших временах (кроме плюсквамперфекта), например: п. *Był jeden kowal* (SBL 77) 'Был один кузнец'; ч. *Vyła jedna chudá vdova* 'Была одна бедная вдова' (Erben 13); сл. *Bol raz jeden chudobný otec* 'Был раз (= однажды) бедный отец' (Dobšinský 42); в.-л. *Běšte j nan a mać* 'Были отец и мать' (Nedo 125); н.-л. *Něga běšo kral* 'Некогда был царь' (Nedo 261); схв. *Био један цар* 'Был один царь' (НП 24); мак. *Си бил еден маш и една жена* 'Себе был один муж и одна жена' (Цепенков 286); сл. *Živela sta mož in žena* 'Жила есте (= жили суть двое) муж и жена' (Volhar 99); *Bil je oče* 'Был есть отец' (Volhar 56); болг. *Некога живяло едно момче* 'Некогда жил один парень' (БНТ 356); укр. *Було два брати* 'Было два брата' (Гринченко 80); *Жила вдова* 'Жила вдова' (Гринченко 269); бр. *Жыў дзед і баба* 'Жил дед и баба' (ЧК 381); *Быў чалавек і баба* 'Был муж и жена' (ЧК 310).

Наиболее логично сделать отсюда вывод о том, что с самого возникновения *жил-был* представлял собой копулятивный глагол, совершенно не связанный с плюсквамперфектом, — специфическое новообразование русского языка.

Более того, есть основания полагать, что зачин *жил-был*, теперь общерусский, вначале был специфической чертой только части (прото)-русских говоров.⁷ Дело в том, что наряду с самым характерным сейчас *жил-был* и более локально ограниченным (северным) *был-жил* (*Жил-был царь* (Худяков 263); *Был-жил король* (Афанасьев II 422)) в зачине русских сказок до сих пор выступают более редкие *был* и *жил*: *Было три брата* (Никифоров 262); *Жил купец пребогатый* (Афанасьев I 224). Данные, собранные чешским фольклористом И. Поливкой⁸, позволяют предположить, что два последних зачина имели первоначально каждый свой ареал, — для *был* связанный с севером, для *жил* — с югом русской территории. Поэтому можно считать, что первоначальная область распространения зачина *жил-был* находилась где-то в центре русской языковой территории, откуда и происходила позже его экспансия.

Отсутствие у рус. *жил-был* структурно-семантических связей с фактами других славянских языков, а у его предполагаемого исходного ареала каких-либо непосредственных контактов с другими славянскими языковыми областями заставляет искать его возможной связи с неславянскими языками. Для (прото)великорусского населения смежными или более удаленными неславянскими языками-соседями могли быть балтийские, (северо)германские, тюркские (булгарские), восточноиранские и финно-угорские, представление о которых можно получить пока лишь по данным их потомков — латышского, литовского, шведского, нижненемецкого, (верхне)немецкого, чувашского, татарского, осетинского и известных нам финно-угорских языков. Словарные данные соответствующих языков вместе с фактами фольклора говорят о невоз-

⁶ Сравнительно редкие случаи употребления *жив-був* (*жыў-быў*) в украинских и белорусских сказках, например: *Жив-був дід із бабою* 'Жил-был дед с бабой' (Гринченко 243); *Жыў-быў цар з царыцаю* 'Жил-был царь с царицей' (ЧК 257), убедительно объясняются русским влиянием.

⁷ Под прото(велико)русскими, -украинскими, -белорусскими говорами древнерусского языка понимаются те из них, которые позже стали основой соответствующих языков. Их конечной хронологической границей надо считать XIII в. (см.: Ф. П. Филин, Происхождение русского, украинского и белорусского языков, Ленинград 1972, стр. 635).

⁸ J. Polívka, Úvodní a závěreční formule slovanských pohádek. (Formules initiales et finales des contes slaves). — Národopisný věstník československý. Roč. XIX, č. 2. Praha 1926, стр. 147, 149—150.

возможности видеть в *жил-был* результат влияния балтийских, германских или тюркских языков на русский: лат. *Dzivoja sirms vecitis* 'Жил седой старичок' (ЛТР 95); *Bija saimnieks* 'Был хозяин' (ЛТР 127); литов. *Gyveno trys broliai* 'Жили три брата' (УК 296); *Buvo du broliai* 'Были два брата' (УК 283); швед. *Det var en gång en prinsessa* '(Это) была однажды одна принцесса' (Wigström 24); н.-н. *Dor wir mal eins 'n Möller* '(Там) был раз один (один) мельник' (Neumann 118); (в.)-н. *Es war einmal ein Förster* '(Это) был однажды один лесник' (Grimm 51); чув. *Пёр автан пурәннә* 'Один петух жил (оказывается)' (ЧХС 82); тат. *äbälgә zamanda bulıyan bär radışa* 'В прежнее время был (оказывается) один царь' (Paasonen 19). То же следует принять и для осетинского (< скифо-аланского), где наряду с «жил» и «был» (*Цардис дын сауджын* 'Жил (те(бе)) поп' (ИА 235); *Уыдис иу сайæгой læг* 'Был один обманщик человек' (ИА 262)) в зачине сказок часто выступает словосочетание «жил(и) и был(и)»: *Раджы ма раджы цардис æмæ уыдис иу мæликк* 'Давно еще давно (= давным давно) жил и был один царь' (ИА 227); *Цардысты æмæ уыдысты мæгуы læг æмæ ус* 'Жили и были бедный муж и жена' (ИА 76). Принятию предположения об осетинском (< скифо-аланском) влиянии на русский препятствует здесь два обстоятельства — структурное и лингвогеографическое. Будучи копулятивным сложным глаголом, рус. *жил-был* структурно не совпадает с осет. *цардис æмæ уыдис* — союзным словосочетанием. В случае скифо-аланского влияния на проторусские говоры с тем большим основанием надо было бы ожидать влияния на протоукраинские, что не могло бы не отразиться и в украинском языке. Поскольку последнего нет, следует признать, что осетинское явление, не связанное с каким-либо аналогичным восточно-славянским, возникло в период ослабления скифо-славянских контактов.

В отличие от рассмотренных финно-угорские языки обнаруживают рефлексы копулятивного глагола **elä(-)-wolę(-)* 'жить-быть' в оборотах, семантически связанных с русским фразеологизмом *жил(и)-был(и)*. Это позволяет считать, что здесь русский язык входит вместе с финно-угорскими в ареал, охваченный одной общей семантико-фразеологической изоглоссой. В части финно-угорских языков имеются бесспорные следы копулятивного **elä(-)-wolę(-)*, для других его существование в прошлом более проблематично.

Самые надежные факты существования **elä(-)-wolę(-)* обнаруживаются в языках прибалтийско-финской и пермской групп, где в целом его рефлексы применяются с гораздо большей функциональной и формальной широтой, чем изосемантическое рус. *жить-быть*. Правда, при этом, видимо, как следствие позднейшего развития, отмечаются (особенно в прибалтийско-финских языках) заметные расхождения между языками в его сохранности и активности. Рефлексы **elä(-)-wolę(-)* (реже инверсивно **wolę(-)-elä(-)*) выступают здесь (1) в повествовательной функции (как правило, (а) в начале, (б) середине, (в) конце сказок), (2) в составе вопросительной формулы речи, иногда преобразованной в приветствие, (3) в производных отглагольных существительных.

Прибалтийско-финские языки: эст. 2) *Kuidas elate-olete?* 'Как живете-можете' (букв. 'есте') (VES 246); 3) *elu-olu* 'жить-быть' (VES 135); *elamine-olemine* то же (нем. *das Leben und Treiben*) (ESS 86); вод. 1) (в рассказе) *siellä elettei-elti* 'Там проживали (жили-были (в форме имперсонала))' (Аристэ); в сказке — единично: а) *e-li e-li i-sä poigäkä* 'Был-жил отец с сыном' (Mägiste 152); кар. 1) а) *Elettih-oldih ukko da akku* 'Жили-были муж и жена'

(КНСЮК 278); *Eletäh-ollah molodoit* 'Живут-суть молодые' (КНСЮК 487); (реже инверсивно) *Oli eli kehwe Lavri* 'Был-жил бедный Лаври' (КНСЮК 107); б) *Elettih-oldih, lähti Ivan Sarovič* 'Жили-были, поехал Иван Царевич' (КНСЮК 145); *Sie eletäh, ollah, eletäh, ollah* 'Там живут, суть, живут, суть' (КНСЮК 419); (инверсивно) *Ollah-eletäh. Cuarin poika tulou kotih* 'Суть-живут. Царский сын прибывает домой' (КНС 328); в) *Nu, eletäh-ollah, kaikin ruvetah iččiä nägemäh zirkalos, dai ihastuttih. Da vai eletäh da zirkalos omua iččiä kačotah* 'Ну, живут-суть, всех начинают самих (себя) видеть в зеркале, да и обрадовались. И вот живут и в зеркало на себя самих смотрят' (КНСЮК 488); 2) *Midä elättä, midä oletta?* 'Как (Что) живете, как (что) есте?' (КНС 135) — как возможный след распавшегося **Midä elättä-oletta?* 'Как (Что) живете-есте?', ср. эст. *Kuidas elate-olete?* то же; 3) эляндю-олэнду 'житье-бытье' (Макаров 21); фин. 1) б) (имперсонал) *Eletään, ollaan jonkin aikaa siitä* 'Живут, суть какое-то время после того' (Salmelainen 393); (инверсивно) *Ollaan, eletään se päivä huomiseen, niin kutsuu isä pojat* 'Суть, живут со дня на день (этот день до завтрашнего), как (так) зовет отец сыновей' (Salmelainen 289), *Taas elettiin, oltiin kotvasen yhtenä* 'Опять жили, были некоторое время вместе' (Salmelainen 105); 3) *elo ja olo* 'житье-(и) бытье' (NSS 207; ФРС 45; РФС 200) как сочетание, возникшее из **elo-olo*, ср. эст. *elu-olu*; вепс. 3) *elämiñe-olemiñe* 'житье-бытье' (СВ 78)⁹.

Пермские языки: комиЗ 1) а) (прошедшее очевидное время) *Олісны-вылісны кык вок* 'Жили-были два брата' (Плесовский 144); (прошедшее длительное — очень редко) *Олӧны-вылӧны вӧлі купеч гозъя* 'Жили-были купеческая чета' (Плесовский 76); (настоящее время) *Важӧн олӧ-вылӧ руд да кӧч* 'Когда-то живет-есть лиса и заяц' (ОКЗР 293); б) *Олӧны-вылӧны, мӧс яя шыд сӧйӧны* 'Живут-суть, с коровьим мясом суп едят' (ОКЗР 121); в) *Кутісны сэн овны да вывны, ӧні на олӧны-вылӧны бура* 'Стали там жить и быть, теперь еще живут-суть хорошо' (Плесовский 149); 2) (*džoñ-*) *vi,dža ola-n-viła-n!* 'Здорово живешь-еси! (= Здравствуй!)' (Fokos-Fuchs 116, 119) — приветствие, возникшее из вопроса¹⁰; *олан-вылан!* 'здравствуй! (живешь-еси!)' (РКС 183, Тарабукин 119) — приветствие, представляющее собой, видимо, сокращение предыдущего¹¹; 3) *олӧм-вылӧм* 'житье-бытье' (РКС 489, РКС 149); комиП 1) а) (прошедшее очевидное время) *Олісӧ-вӧлісӧ старік да старіка* 'Жили-были старик и старуха' (Лыткин I 40); (прошедшее неочевидное время) *Ӧӧмас'-вӧӧмас', куйм вон* 'Жили-были (оказывается) три брата' (Лыткин I 50); комиЯ 1) а) (прошедшее очевидное время) *Олинис-вӧ́линис стөрік да стөріка* 'Жили-были старик и старуха' (Лыткин II 206); (инверсивно) *Вӧ́лис-ӧ́лис мамлан нӧлпйӧн н'ӧзӧт* 'Была-жила у матери дочурка небольшая' (Лыткин I 54); удм. 1) а) (прошедшее неочевидное) *Улэм-вылэм одӧг эксей* 'Жил-был (оказывается) один царь' (УКС 53); (прошедшее очевидное время — значительно реже) *Uliž-*

⁹ В ливском и ижорском языках с помощью текстов и словарей (Kettunen, Nirvi) следы **elä(-)-wolg(-)* не обнаружены.

¹⁰ D. R. Fokos-Fuchs, *Vi,d'z'a olannid!* «Seid gegrüßt!». — CSIFU, стр. 122—123.

¹¹ D. R. Fokos-Fuchs, указ. раб., стр. 116.

vəliz gosudar 'Жил-был государь' (ВФУЯ 285); 2) *Кыче тii улiськoды-вылiськoды?* 'Как вы поживаете (живете-есте)?' (РУС 745); 3) *улон-вылон* '1) житье-бытье; 2) положение; благосостояние' (УРС 307), *улэм-вылэм* 'житье-бытье', *улэм-вылэм муртэс* 'бывалые (житье-бытье) люди' (УРС 308).

Указанные данные не оставляют сомнений в существовании и широкой распространенности глагола **elä(-)-wole(-)* в прибалтийско-финских и пермских языках. Более сложны для толкования факты других родственных языков, где при отсутствии его непосредственных отражений мы находим, как правило, синонимичные *elä(-)-wole(-)* и близкие ему по функциям копулятивные глаголы. Примеры: мар. 2) *Кузе иледа-шijледа?* 'Как живете-дышите (= поживаете)?' (МРС 131); 3) *илымаш-шijлымаш* 'житье-дышанье (= бытье)' (МРС 132); МордЭ 1) а) *Эрясть-аштеть аят-бабат кавонест* 'Жили-(пре)бы(ва)ли старик(и)-старухи(-а) вдвоем' (Евсевьев 386); в) *Эр'ит'-ашт'ит', паручи таштыт'* 'Живут-пребывают (суть), добро копят' (ОМД 266); 2) *Кода эрят-аштат?* 'Как живешь-пребываешь (= поживаешь)?' (ЭРС 260); 3) *эрямо-аштема* 'житье-пребывание (= существование, бытие, житье-бытье)' (ЭРС 260); МордМ 1) а) *Эрясть-ащесть аят-бабат кафонест* 'Жили-(пре)бы(ва)ли старик(-и)-старухи(-а) вдвоем' (УПТМН 74); в) *i fečis irext-aštixt alönuškaš, očázərs i kazañeš. šimbě* 'И по сей день живут-пребывают (= поживают) Аленушка, царь и козленок. Всё' (ВФУЯ 315); *кодъ... ир'ат-аш'ч'ат?* 'как... живешь-пребываешь (= поживаешь)?' (ОМД 36); 3) *эряма-ащема* 'житье-пребывание (= житье-бытье; быт)' (МокшРС 317); манс. 1) а) *tänker toq ðlii, kərii* 'Мышь так живет (есть) - лежит (спит)' (KL 101); *ðls küis kum ieğbāñšx* 'Жил (был) - лежал (спал) муж, жена' (KL 148); б) *ta. ðllssay, kziiesay* 'Потом (они двое) жили (были) - лежали (спали)' (KL 52); в) *kzumiyə iòt an ðli, an kziii* 'С (двумя) мужьями (своими) (она) теперь живет (есть), теперь лежит (спит)' (KL 54); хант. 1) б) *siti ðltel x̄ltel ɛlti wɔj wɛlti ñoxəs wɛlti pora jis* 'Когда они так живут (суть) - лежат (спят) (букв. 'житье- (бытье) (их) - лежанье (спанье) (их)') на зверей охоты, на соболей охоты время пришло' (Steinitz 112); *jēt(ə) ðtmatsət, jētə x̄tmatsət* '(Они — мн. ч.) (затем) дальше жили (были), дальше лежали (спали)' (Steinitz 300).

Приведенные копулятивные глаголы допускают возможность объяснения их как синонимов **elä(-)-wole(-)*, развившихся в кругу его значений и функций и постепенно его вытеснивших. Все они, кроме обско-угорских, имеют в качестве первого компонента глагол, этимологически связанный с **elä(-)*¹², второй же компонент синонимичен с **wol(e-)*, что позволяет рассматривать их в целом как синонимы **elä(-)-wole(-)*. Что касается обско-угорских копулятивных глаголов, то в них замена первого компонента **elä(-)* 'жить' глаголом, восходящим к **wole(-)* 'быть', объясняется тем, что последний в связи с вытеснением глагола **elä(-)* в значении 'жить' здесь включил в себя оба эти значения. Хант. *xoj-* и манс. *kəj-* (*zuj-*) 'лежать; спать', выступающие вторым компонентом, могли здесь заменить второй компонент **wole(-)* 'быть' как его синонимы (ср. этимологически связанное с ними удм. *кылльыны* 'ле-

¹² Морд. *эрямс* 'жить' несмотря на попытки других объяснений (см. J. Mark, Strittige Etymologien. — MSFOu LXVII 1933, стр. 272; E. Lewy, Kleine Schriften, Berlin 1961, стр. 461 и сл.) с бóльшим основанием связывается с ф.-у. **elä(-)*.

жать'¹³, в южноудмуртском диалекте также 'быть, находиться, жить'¹⁴). В подобных синонимических заменах, связанных с вытеснением предполагаемого **elä(-)-wolę(-)*, можно усматривать влияние неродственных языков, которому все данные языки могли быть особенно подвержены как периферийные.

Очевидно, замену исходного **elä(-)-wolę(-)* другого типа представляет собой повтор *jelle* (<ф.-у. **elä(-)*) 'жить' в кильдинском и йоканьгском диалектах саамского языка, отмечаемый в сказках; ср. саам. 1) а) *jill'in, jill'in kuxt vil'jiñč* 'Жили, жили два братца' (Керт 61); б) *ahk jille, jille* 'Женщина жила, жила' (Керт 86). Эту замену можно связать с отсутствием в саамском рефлекса глагола **wolę(-)* 'быть', очевидно, секундарно вытесненного.

Единственным финно-угорским языком, где нет никаких следов **elä(-)-wolę(-)*, является венгерский. Однако наличие его рефлексов или синонимов в других родственных языках, в том числе обско-угорских, позволяет предположить, что такое положение сложилось позднее и первоначально и здесь мог быть глагол **élt-volt* (< **elä(-)-wole(-)*), 'жил-был'.

Таким образом, есть основание считать, что копулятивное **elä(-)-wolę(-)* могло быть свойственно еще диалектам прафинно-угорского языка. Однако ему невозможно приписать уральское происхождение, хотя бы из-за отсутствия соответствий **wolę(-)* 'быть' в самодийском, что подтверждает и самодийский фольклорный материал.

Сказанное выше, свидетельствуя о широкой распространенности сложного глагола **elä(-)-wolę(-)* в финно-угорских языках в виде рефлексов или его синонимов делает обоснованной мысль о наличии их также в исчезнувших волжско-финских языках (мещерском, муромском и мерянском), носители которых позже перешли на восточнославянский (> велико)русский язык. Ввиду близости двух первых, особенно мещерского, к мордовским, а мерянского в какой-то степени (и по своему соседству с вепским) к прибалтийско-финским условно реконструируемые парные глаголы (в форме прошедшего времени единственного числа) здесь можно представить себе соответственно как: мещ. 1) а) ***eraj-aštaj* (** означает высшую степень гипотетичности) 'жил-(пре)бы(ва)л' | ***eli-wolj* 'жил-был'; мур. 1) а) ***eli-wolj* 'жил-был' | ***eraj-aštaj* 'жил-(пре)бы(ва)л'; мер. 1) а) ***eli-wolj* 'жил-был'.

Волжско-финское население, переходя в условиях двуязычия на восточнославянский (> русский) язык, неизбежно должно было калькировать часть выражений своего языка лексическими средствами славянского. Наиболее вероятным было калькирование традиционных, устойчивых оборотов, формул речи, в том числе фольклорных. Очевидно, рус. *жил-был* и является одной из подобных калек какого-то волжско-финского языка, скорее всего мерянского. В пользу этого говорят: 1) наибольшая правдоподобность наличия именно в нем глагольной формы ***eli-wolj* 'жил-был'; 2) совпадение территории мерян с первоначальным ареалом *жил-был* — Центральной Россией (бывшим Ростово-Суздальским княжеством); 3) наиболее длительная среди субстратных волжско-финских народов славизация мерян¹⁵, способствовавшая интенсивным славяно-финским контактам.

¹³ КЭСК, стр. 144.

¹⁴ УРС, стр. 166.

¹⁵ Подробнее см.: А. И. Попов, Названия народов СССР. Введение в этнологию, Ленинград 1973, стр. 98—102; В. Т. Ванюшечкин, К вопросу о финно-угорских элементах в лексике мещерских говоров, — СФУ IX 1973, стр. 179—184.

При возможности в принципе семантического заимствования рус. *жил-был* и из какого-либо другого (живого) финно-угорского языка его адстратное происхождение все же менее вероятно, чем связанное с большей силой влияния происхождение из субстрата. Адстратные финно-угорские языки, однако, могли способствовать укреплению этого явления, как и других копулятивных слов, характерных для русского народно-разговорного языка и фольклора и типичных одновременно для финно-угорских языков (особенно широко в прошлом).

Направление заимствования — от финно-угров к восточным славянам (> русским), а не наоборот — подтверждается между прочим большей формальной и функциональной широтой, а следовательно, и мотивированностью ф.-у. **elä(-)-wole(-)* по сравнению с рус. *жил-был*. Можно говорить и о большей семантической мотивированности первого по сравнению с последним; ср. такие более конкретные значения у рефлексов **elä(-)*, как комиЗ *овны* 'бодрствовать' (КРС 485), фин. диал. *elää* 'двигаться, трогаться' (Хакулинен I 164), эст. диал. *elama* '(о ветре) веять (< *двигаться, лететь)' (Wiedemann 92), отмечаемые наряду с 'жить' и свидетельствующие о том, что **elä(-)* могло первоначально означать не 'жить (быть живым) вообще', а 'находиться в бодрствующем, активном состоянии'. В связи с этим **wole(-)* могло иметь оттенки 'быть в состоянии покоя, отдыха', о чем, возможно, косвенно свидетельствует манс. *kôj-* | хант. *χοj-* 'лежать (спать)' как второй компонент сложного глагола, соответствующий (заменявший) **wole(-)* 'быть'. Следовательно, первоначально **elä(-)-wole(-)* могло представлять собой соединение двух глаголов-антонимов, характеризующих жизнь в целом, как бы состоящую из двух обозначаемых ими половин — деятельности, активного состояния и покоя, отдыха. Это делает ф.-у. **elä(-)-wole(-)* более мотивированным, чем рус. *жил-был* (*жить-быть*) и со стороны семантики.

Таким образом, наиболее вероятно рус. *жил-был* объяснять как семантическое заимствование из субстратного волжско-финского (мерянского) языка.

Затронутый конкретный вопрос вместе с тем говорит о необходимости дальнейшего исследования субстратных волжско-финских языков — важного звена в истории как финно-угорских, так и русского языков.

Сокращения

Языки и диалекты: **бр.** — белорусский; **в.-л.** — верхнелужицкий; **(в.-)н.** — (верхне)немецкий; **др.** — древнерусский; **мак.** — македонский; **мер.** — мерянский; **мещ.** — мещерский; **мур.** — муромский; **н.-л.** — нижнелужицкий; **н.-н.** — нижне-немецкий; **п.** — польский; **сли.** — словенский; **слц.** — словацкий; **схв.** — сербохорватский; **ч.** — чешский; **шв.** — шведский.

Аристэ — пример из водского языка, сообщенный вместе с переводом П. Аристэ; **Афанасьев** — А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки I, II, III, Москва 1957; **БНТ** — Българско народно творчество IX, София 1963; **ВФУЯ** — Вопросы финно-угорского языкознания, Москва—Ленинград 1962; **Гринченко** — Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях Б. Д. Гринченко, II, Чернигов 1896; **Евсеев** — М. Е. Евсеев, Избранные труды III, Саранск 1964; **ИА** — Ирон аргъæуттæ, Сталинир 1956; **Керт** — Г. М. Керт, Образцы саамской речи, Москва—Ленинград 1963; **КНС** — Карельские народные сказки, Москва—Ленинград 1963; **КНСЮК** — Карельские народные сказки. Южная Карелия, Ленинград 1967; **КРС** — Коми-русский словарь, Москва 1961; **Лыткин I** — В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем I, Москва 1955; **Лыткин II** — В. И. Лыткин, Коми-язьвинский диалект, Москва 1961; **Макаров** — Г. Н. Макаров, Русско-карельский словарь, Петрозаводск 1975; **МРС** — Марийско-русский словарь, Москва 1956; **МокшРС** — Мокшанско-русский словарь, Москва 1949; **Никифоров** — Севернорусские сказки в записях А. Н. Никифорова, Москва—Ленинград 1961; **НП** — Народные приговоры, Беград 1956; **ОКЗР** — Образцы коми-зырянской речи, Сыктывкар 1971; **ОМД** —

Очерки мордовских диалектов III, Саранск 1963; **Плесовский** — Коми мойдъяс, сьыл-анкывъяс да пословицаяс. Лёсьодіс Ф. В. Плесовский, Сыктывкар 1956; **РКС** — Русско-коми словарь, Сыктывкар 1966; **РУС** — Русско-удмуртский словарь, Москва 1956; **РФС** — Русско-финский словарь, Москва 1963; **СВ** — М. И. Зайцева, М. И. Муллонен, Словарь вепского языка, Ленинград 1972; **Тарабукин** — И. И. Тарабукин, Краткий коми-русский фразеологический словарь, Сыктывкар 1959; **УКС** — Удмурт калык сказкаос. Сборникез дасязы А. Багай. М. А. Перевощиков, Ижевск 1940; **УПТМН** — Устно-поэтическое творчество мордовского народа III, ч. I, Саранск 1966; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1948; **ФРС** — Финско-русский словарь, Москва 1955; **Хакулинен** — Л. Хакулинен, Развитие и структура финского языка I, Москва 1953; **Худяков** — Великорусские сказки в записях И. А. Худякова, Москва—Ленинград 1964; **Цепенков** — М. К. Цепенков, Македонски народни приказни I, Скопје 1958; **ЧК** — Чарадзейныя казкі I, Мінск 1973; **ЧХС** — Чăваш халăх самахлăхĕ I, Шупашкар 1973; **ЭРС** — Эрзянско-русский словарь, Москва 1949; **Bolhar** — Slovenske narodne pravljice. Izbrl in uredil A. Bolhar, Ljubljana 1972; **Dobšinský** — P. Dobšinský Prostonárodné slovenské povesti. Výber, Bratislava 1969; **Erben** — K. J. Erben, České prostonárodní pohádky a pověsti, Praha 1955; **ESS** — K. Kann, E. Kibbermann, F. Kibbermann, S. Kirofar, Eesti-saksa sõnaraamat, Tallinn 1970; **Fokos-Fuchs** — D. R. Fokos-Fuchs, Viđ'z'a olannj! «Seid gegrüßt!» — CSIFU (стр. 115—126); **Grimm** — Kinder- und Hausmärchen.

Gesammelt durch die Brüder Grimm, Berlin 1959; **Kettunen** — L. Kettunen, Livisches wörterbuch mit grammatischer einleitung, Helsinki 1938; **KL** — Wogulische Volksdichtung gesammelt und übersetzt von A. Kannisto, bearbeitet und herausgegeben von M. Lijimola III. B, Helsinki 1956 (MSFOu 111); **LTP** — Latviešu tautas pasakas. Izlase, Rīgā 1956; **Mägiste** — Die Woten erzählen. Wotische Sprachproben gesammelt und herausgegeben von J. Mägiste, Helsinki 1959; **Nedo** — Sorbische Volksmärchen. Systematische Quellenausgabe mit Einführung und Anmerkungen. Bearbeitet von P. Nedo, Bautzen 1956; **Neumann** — Mecklenburgische Volksmärchen. Herausgegeben von S. Neumann, Berlin 1973; **Nirvi** — R. E. Nirvi, Inkeröismurteiden sanakirja, Helsinki 1971 (LSFU XVIII); **NSS** — Nykysuomen sanakirja I, A-J, Helsinki-Porvoo 1961; **Paasonen** — Mischärtatarische Volksdichtung, gesammelt von H. Paasonen, Übersetzt und herausgegeben von E. Karahka, Helsinki 1953 (MSFOu 105); **Salmelainen** — Suomen kansan satuja ja tarinoita. Toim. E. Salmelainen, Helsinki 1955; **SBL** — Sto baśni ludowych. Opracowali H. Kapeluś i J. Krzyżanowski, Warszawa 1957; **Steinitz** — W. Steinitz, Ostjakologische Arbeiten I, Budapest 1975; **UK** — Užburta karalystė. Lietuvių liaudies pasakos, Vilnius 1957; **VES** — Vene-eesti sõnaraamat, Tallinn 1953; **Wiedemann** — F. J. Wiedemann, Eesti-saksa sõnaraamat, Tallinn 1973; **Wigström** — Sagor ock äfventyr upptecknade i Skåne af E. Wigström (Ave), Stockholm 1884 (Nyare bidrag till kändedom om de svenska landsmälen ock svenskt folklif. V. 1).

О. Б. ТКАЧЕНКО (Kiew)

EINE GEMEINSAME SEMANTISCH-PHRASEOLOGISCHE ISOGLOSSE DES FINNISCH-UGRISCHEN UND DES RUSSISCHEN. (BEITRAG ZUR FRAGE DES FINNISCH-UGRISCHEN SUBSTRATS IM RUSSISCHEN)

Die Untersuchung der russischen Märchentexte im Vergleich mit denselben der anderen slawischen Völker zeugt davon, daß der russische Märchenanfang *жил-был* kaum als (ur)slawisch gelten kann, vielmehr als eine semantische Entlehnung aus einer nicht-slawischen Sprache betrachtet werden muß. Alle nichtslawischen Sprachen, von denen hier die Rede sein kann, sollen außer den finnisch-ugrischen auf Grund entsprechender Tatsachen als Entlehnungsquelle ausgeschlossen werden.

Die finnisch-ugrischen Sprachen zeigen im Gegenteil zahlreiche Belege des kopulativen Verbs * *elä(-)wolg(-)*, das mit dem russischen *жил-был* (*жить-быть*) im Einklang steht. Die sichersten Angaben kommen im Ostseefinnischen und im Permischen vor (est. *Kuidas elate-olete?* 'Wie lebt-seid (ihr)'; fi. *elettiin, oltiin* '(man) lebte, war'; komiS. *олӧ-вылӧ* '(er) lebt-ist'; udm. *улӧз-вылӧз* '(er) lebte-war' usw.).

Die anderen finnisch-ugrischen Sprachen sind nicht so eindeutig in ihren diesbezüglichen Belegen. Wir finden zwar hier meistens die funktionell und semantisch nahen kopulativen Verben (z. B.: mar Кузе *иледа-уйӗледа?* 'Wie lebt-atmet (ihr)'; mdE *эръсть-аштеть* '(sie) lebten-befanden sich (waren)'; mans. *ӧлс куӓс* '(er) lebte (war), лаг (schlieft)'). Sie sind aber nicht (jedenfalls direkt) von dem Verb **elä(-)wolg(-)* abzulei-

ten. Man kann sie dennoch auch als sekundär entstandene Synonyme dieses Verbs interpretieren, die sich in seinem Bedeutungskreis entwickelten und es allmählich verdrängten, wobei die fremdsprachlichen Einflüsse nicht zu unterschätzen sind. Das kann der Fall des Mordwinischen, Marischen, Ob-ugrischen, einigermaßen auch des Lappischen sein (vgl. lp. *jil'lin*, *jil'lin* '(sie) lebten, lebten', eine Verdoppelung, die als Märchenanfang funktionell den obenerwähnten kopulativen Verben entspricht). Die einzige als eine einzelne Gruppe geltende finnisch-ugrische Sprache, die anscheinend keine Spur der kopulativen «Daseins»-Verben aufweist, ist das Ungarische. Eine solche Situation läßt sich übrigens auch als Folge einer späteren Sprachentwicklung erklären, d. h. es ist nicht völlig ausgeschlossen, daß auch Ungarisch früher ein solches Verb (bzw. Verben) gehabt und erst später es verloren hat. Die entsprechenden Tatsachen der anderen finnisch-ugrischen Sprachen, dieselben der naheverwandten ob-ugrischen Sprachen miteinbegriffen, erlauben eine solche Vermutung als nicht ganz unbegründet anzusehen.

Das alles berechtigt zur Annahme, daß das kopulative Verb **elä(-)wolę(-)* schon den Mundarten der finnisch-ugrischen Ursprache eigen sein konnte. Die negativen Zeugnisse des Samojedischen geben uns aber keinen Grund, es auch als uralisch zu betrachten.

Im Lichte der angeführten Tatsachen ist das Vorhandensein der Entsprechungen oder der Synonyme von **elä(-)wolę(-)* auch in den ausgestorbenen wolgafinnischen Sprachen höchstwahrscheinlich, deren Träger sich später Ostslawisch (> (Groß)rus-sisch) angeeignet haben. *Жил-был* des Russischen dürfte eine semantische Entlehnung (Lehnübersetzung) aus einer finnisch-ugrischen Substratsprache (am wahrscheinlichsten aus dem Merjanischen: merj.** *eli-wol i* '(er) lebte-war') darstellen. Diese Entlehnung kann unter den Bedingungen der Zweisprachigkeit der entsprechenden finnisch-ugrischen Bevölkerung bei ihrer Aneignung des Ostslawischen stattgefunden haben. Die Richtung der Entlehnung (Finnisch-ugrisch → Ostslawisch und nicht umgekehrt) wird unter anderem durch die größere (im Vergleich mit dem Russischen) Motiviertheit des finnisch-ugrischen kopulativen Verbs bestätigt.